

ЭТНИЧЕСКАЯ ГЕТЕРОГЕННОСТЬ: ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ И ПРОБЛЕМЫ ИЗМЕРЕНИЯ

Р.У. Камалова

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Россия, 101000, Москва, ул. Мясницкая, 20
E-mail: rkamalova@hse.ru

В.А. Костомаров

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Россия, 101000, Москва, ул. Мясницкая, 20
E-mail: vkostomarov@hse.ru

Ключевые слова: этническая фрагментированность, этническая поляризованность, этническая напряженность, индексы

Аннотация: В настоящей статье рассматриваются различные меры этнической гетерогенности, характеризующие фрагментированность и поляризованность в обществах. Вводятся формальные определения семи индексов фрагментированности и поляризованности и обсуждаются различные подходы к измерению «культурной дистанции» между этническими группами. Приводится также обзор применения индексов в исследованиях по взаимосвязи этнической гетерогенности с ксенофобией, гражданскими конфликтами, благосостоянием населения, качеством государственного управления и предоставления общественных благ. Для регионов России этническая гетерогенность населения измерена с использованием описанных подходов.

1. Введение

Проблема источников социальных конфликтов изучается очень давно. В ранних исследованиях большое внимание уделялось распределению доходов как причине конфликта между группами в обществе [1-3]. Имущественное неравенство способно обусловить антагонизм бедных и богатых слоев общества. В свою очередь, неэкономические характеристики индивидов могут стать факторами разделения общества на «экономически похожие» группы. И тогда, в случае конфликта проигравшая сторона может быть исключена из пользования/владения тем или иным благом. Так, во второй половине XX в., наряду с «потускнением» лево-правой идеологической оси, была замечена «национализация» борьбы между соперниками на выборах [4]. В связи с ростом социальной напряженности и конфликтов, поляризация общества как предмет изучения постоянно привлекает к себе внимание исследователей.

Признается, что этническая идентификация является «расплывчатым и аморфным понятием», у которого отсутствует единое определение. Во многих определениях этнической группы подчеркивается общее происхождение индивидов из одной этнической группы или хотя бы идея о нем. К общему происхождению добавляются требования наличия общей культуры и/или языка, а также общей истории и принципиальной автономности группы, но этническая группа не должна быть ограничена семьей или родом,

а должна составлять часть населения страны, и если «в некотором месте человек является членом данной группы, то и его братья тоже должны иметь возможность являться ее членами» [5].

Этническое, даже шире – культурное – разнообразие, с одной стороны, имеет свои положительные стороны, оно связано с большим разнообразием навыков, образования, опыта и может способствовать развитию экономики и распространению инноваций. Тем не менее, многие исследования обнаруживают, что этнолингвистическая раздробленность населения отрицательно связана с экономическим развитием (возможно, включая развитые экономики) и положительно связана с возникновением гражданских конфликтов. “There is no free lunch for diversity,” – отмечают В. Гинзбург и Ш. Вебер [6]. В тех обществах, которые являются разнообразными по этническому составу населения, высок потенциал нестабильности, приводящий к ксенофобии и конфликтам. Подобного рода социальная нестабильность может быть фактором снижения экономического роста [7], объемов и качества предоставления общественных благ [8], снижения участия в организациях гражданского общества [9], роста коррупции [10] и пр.

Предметом нашего интереса является этническая гетерогенность общества как фактор возникновения гражданских конфликтов, благосостояния населения и качества государственного управления. До некоторой степени ответ на вопрос о важности культурного разнообразия в конфликтах зависит от того, что понимать под «этническим разделением». Существуют два основных подхода к анализу культурного разнообразия обществ – с использованием мер фрагментированности общества [11-13] и мер поляризованности [14, 15].

2. Подходы к измерению этнической гетерогенности

Фрагментированность представляет собой характеристику раздробленности обществ или отраслей на группы по некоторому признаку. Если общество А состоит из двух групп одинаковой численности, а общество В – из трех групп одинаковой численности, то фрагментированность в обществе В больше. Поляризованность, в свою очередь, учитывает, степень сходства между группами, и чем меньше сходство, тем больше степень антагонизма в обществе. Г. Беккер в 1957 г. писал, что индивидам свойственно испытывать чувство соперничества членам своей «группы», и более того, им свойственно меньше любить тех, кто в большей степени на них не похож [16]. Наибольшей поляризованность является тогда, когда этническому большинству противостоит крупное этническое меньшинство, и можно предположить, что вероятность этнического конфликта нелинейно связана с этническим разнообразием [15].

В литературе встречаются семь основных индексов этнической гетерогенности:

- индекс этнолингвистической фрагментированности, ИЭЛФ [11];
- индекс Гринберга [17];
- индекс второстепенной гетерогенности [16];
- индекс поляризованности Эстебана-Рэя [14];
- индекс поляризованности Рейнал-Кэрл [15];
- индекс поляризованности Алескерова-Голубенко [18].

Для того чтобы рассчитать значения индексов поляризованности, необходимо подобрать некоторый показатель, который бы характеризовал сходства-различия (расстояние) между анализируемыми группами. Были предложены несколько подходов к решению данной проблемы:

- экспертная классификация [19];

- лингвистическое древо [20];
- лексико-статистический анализ языков [21,22];
- «генетические расстояния» [23];
- опросные данные [24,25].

В современной литературе отмечается, что богатство природными ресурсами (к ним относятся горючие полезные ископаемые, металлы и минералы, водные и лесные ресурсы) может оказывать влияние на имущественное неравенство в зависимости от степени этнической поляризации населения: природные ресурсы способствуют увеличению имущественного неравенства в этнически поляризованных обществах, но снижают его в неполяризованных. В странах с высокой степенью поляризованности населения наличие природных ресурсов приводит к погоне за рентой и конфликтам.

В работе [15], посвященной гражданским конфликтам, утверждается, что для их предсказания важен учет этнического фактора. В логике модели, предложенной в [26], группы развязывают конфликт из-за желания обладать частными благами, например, владение нефтяными месторождениями, и общественными, например, политическая власть. Предполагается, что чем больше ресурсов привлечет группа, тем больше для нее вероятность победы в конфликте, и каждый индивид при этом затрачивает ресурсы на ведение конфликта, а «средняя стоимость конфликта», σ , является индикатором его интенсивности. Результатом эконометрического моделирования (построения моделей бинарного и множественного выбора) стало то, что этническая поляризация и фрагментированность значимо и положительно связаны с возникновением и интенсивностью конфликта. Степень имущественного неравенства также статистически значимо связана с интенсивностью конфликта, но эта связь отрицательная и значима только при малой численности населения [27].

В современных российских исследованиях этнической идентичности авторов в значительной степени интересуют теоретические вопросы: сравнение подходов к изучению этничности, определения понятий, соотношение государственной и этнической идентичности, нациестроительство в условиях полиэтничного населения, процессы этнополитической мобилизации, формирование гражданского самосознания [28-32].

Эмпирические исследования в основной массе посвящены социально-психологической реальности на территории России и бывших республик СССР: распространенность и динамика этнических и гражданских идентификаций, взаимодействие между этническими, религиозными и гражданскими идентичностями в сознании людей, анализ контента средств массовой коммуникации, в т.ч. в социальных сетях, особенности адаптации массового сознания к глобализационным процессам, установки и ориентации граждан, в том числе патриотические [33], предубеждения и ксенофобия [34], дискриминация по этническому признаку в государственно-политической и социально-экономической сфере [28, 35]. Значительное количество работ посвящено анализу национализма, этнической идентичности и этнополитики, территориальным, межэтническим и религиозным конфликтам [31, 36, 37]. Признается, что этноконфликтологические исследования должны опираться «на математическое моделирование и современные средства обработки информации» [38].

3. Измерение этнической гетерогенности в регионах России

В настоящем исследовании измеряется этническая гетерогенность населения в регионах России, для чего используются приведенные методики, в частности, индексы Эстебана-Рэя и Алескерова-Голубенко.

Несмотря на то, что оба индекса оценивают один и тот же показатель, способы, применяемые авторами для достижения цели и сама природа индексов фундаментально различаются. По индексу Алескерова-Голубенко в качестве показателя поляризованности рассматривается сумма средних отклонений от центра масс [18], в то время как по индексу Эстебана-Рея поляризованность рассчитывается как суммарный антагонизм между всеми членами общества [14].

В результате данных различий в поведении каждого их индексов наблюдается ряд характерных особенностей. Так, индекс Алескерова-Голубенко удовлетворяет условиям аксиом 2 и 3, предложенным в [14], и не удовлетворяет условиям аксиомы 1. Соответственно данный индекс не учитывает структурные изменения в обществе, при которых малые группы объединяются в одну на равном расстоянии от их первоначальных расположений. Затем, при сравнении двух индексов было выявлено, что индекс Алескерова-Голубенко мажорирует индекс Эстебана-Рея при наличии в обществе только двух групп, а при наличии трех групп – индекс Эстебана-Рея мажорирует индекс Алескерова-Голубенко. Кроме того, А. Липачевой было выявлено, что при наличии в обществе трех групп индекс Эстебана-Рея никоим образом не отражает сдвиги у срединной группы по шкале.

В качестве информационной базы используются данные Федеральной службы государственной статистики о численности этнических групп по субъектам Российской Федерации, а также данные проекта Geo-referencing Ethnic Power Relations (GeoEPR-ETH) [39]. Для измерения культурной дистанции используется расстояние на лингвистическом древе.

Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2013 году. Авторы выражают свою благодарность Ф.Т. Алескерову за ценные замечания и комментарии к тексту.

Список литературы

1. Brockett C. D. Measuring Political Violence and Land Inequality in Central America // *American Political Science Review*. 1992. Vol. 86, No. 1. P. 169-176.
2. Midlarski M. I. Rulers and the Ruled: Patterned Inequality and the Onset of Mass Political Violence // *American Political Science Review*. 1988. Vol. 82, No. 2. P. 491-509.
3. Muller E. N., Seligson M. A., Fu H., Midlarski M. I. Land Inequality and Political Violence // *American Political Science Review*. 1989. Vol. 83, No. 2. P. 577-596.
4. Brubaker R., Laitin D. Ethnic and Nationalist Violence // *Annual Review of Sociology*. 1998. Vol. 24. P. 423-452.
5. Chandra K. What is Ethnic Identity and Does It Matter? *Annual Review of Political Science*. 2006. Vol. 9. P. 397-424.
6. Ginsburgh V., Weber S. *How Many Languages Do We Need? The Economics of Linguistic Diversity*. Princeton, 2011.
7. Easterly W., Levine R. Africa's growth tragedy: policies and ethnic divisions // *Quarterly Journal of Economics*. 1997. Vol. 112, No. 4. P. 1203-1250.
8. Alesina A., Baquir R., Easterly W. Public Goods and Ethnic Divisions // *The Quarterly Journal of Economics*. 1999. Vol. 114, No. 4. P. 1243-1284.
9. Alesina A., La Ferrara E. Participation in Heterogeneous Communities // *The Quarterly Journal of Economics*. 2000. Vol. 115, No. 3. P. 847—904.
10. Mauro P. Corruption and growth // *Quarterly Journal of Economics*. 1995. No. 110. P. 681-712.
11. Alesina A. et al. Fractionalization // *Journal of Economic Growth*. 2003. Vol. 8, No. 2. P. 155-194.
12. Collier P., Hoeffler A. Greed and Grievance in Civil War // *Oxford Economic Papers*. 2004. Vol. 56, No. 4. P. 563-595.
13. Fearon J.D., Laitin D.D. Ethnicity, Insurgency, and Civil War // *American Political Science Review*. 2003. Vol. 97, No. 1. P. 75-90.
14. Esteban J., Ray D. On the Measurement of Polarization // *Econometrica*. 1994. Vol. 62, No. 4. P. 819-851.

15. Montalvo J., Reynal-Querol M. Ethnic polarization, potential conflict and Civil Wars // *American Economic Review*. 2005. No. 95. P. 796-816.
16. Desmet K., Ortuño-Ortín I., Weber S. Linguistic Diversity and Redistribution // *Journal of the European Economic Association*. 2009. No. 7. P. 1291-1318.
17. Desmet K., Ortuño-Ortín I., Weber S. Peripheral Diversity and Redistribution // *CEPR Discussion Papers*. 2005. No. 5112. 41 p.
18. Алескеров Ф. Т., Голубенко М. А. Об оценке симметричности политических взглядов и поляризованности общества / Препринт WP7/2003/04. М.: ГУ ВШЭ, 2003. 24 с.
19. Desmet K., Ortuño-Ortín I., Weber S. Linguistic Diversity and Redistribution // *Journal of the European Economic Association*. 2009. No. 7. P. 1291-1318.
20. Климов Г. А. О глоттохронологическом методе датировки распада праязыка // *Вопросы языкознания*. 1959. № 2. С. 119-121.
21. Хойер Г. 1960. Лексикостатика (критический разбор) // *Новое в лингвистике*. № 1. С. 88-107.
22. Dyen I., Kruskal B. J., Black P. An Indo-European Classification: A Lexicostatistical Experiment // *Transactions of the American Philosophical Society*. 1992. Vol. 82, No. 5. P. 1-132.
23. Ashraf Q., Galor O. Genetic Diversity and the Origins of Cultural Fragmentation // *American Economic Review*. 2013. Vol. 103, No. 2. P. 528-533.
24. Кириченко И. Ксенофобия: испытание чужим // *Зеркало недели*. 2005: <http://www.demoscope.ru/weekly/2005/0215/gazeta09.php>
25. Lind T. Fractionalization and Inter-Group Differences // *Kyklos*. 2007. Vol. 60, No. 1. P. 123-139.
26. Esteban J., Ray D. 2011. Linking Conflict to Inequality and Polarization // *American Economic Review*. Vol. 101, No. 4. P. 1345-1374.
27. Esteban J., Mayoral L., Ray D. Ethnicity and Conflict: An Empirical Study // *American Economic Review*. 2012. Vol. 102, No 4. 1310-1342.
28. Дробижина Л. М. Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность. М.: Academia, 2002. 480 с.
29. Магун В. С. 2006. Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России. М.: Издательство Института социологии РАН, 2006. 327 с.
30. Малахов В. С. 1998. Неудобства с идентичностью // *Вопросы философии*. № 2. С. 4-10.
31. Паин Э. А. Этнополитический маятник. Динамика и механизмы этнополитических процессов в постсоветской России. М.: Институт социологии РАН, 2004. 328 с.
32. Тишков В. А., Пивнева Е. А. 2010. Этнологические и антропологические исследования в академической науке // *Новая и новейшая история*. №3. С. 3-21.
33. Фадеева Л. А. 2007. Современная российская идентичность: ценность, конструкция, руководство к действию? // Под ред. Мельвил А.Ю. *Пространство и время в мировой политике и международных отношениях: материалы 4 Конвента РАМИ*. М.: МГИМО-Университет, 2007. 116 с.
34. Паин Э.А., Суслова М.Н. 2012. Способна ли демократия противостоять ксенофобии? // *Россия в глобальной политике*. № 5. С. 62-76.
35. Дробижина Л.М. Этничность в современном обществе: новые подходы, старые мифы, социальные практики // *Вестник Института социологии*. 2010. № 1. С. 82-91.
36. Зазнаев О. И. Политическая идентичность и политика идентичности: очерки. Казань: Изд. Казанского университета, 2011. 232 с.
37. Паин Э.А. Этнические конфликты в постсоветской России // *Вестник Института Кеннана в России*. 2012. № 22. С. 35-47.
38. Авксентьев В. А. 1996. Этнические конфликты: история и типология // *Социологические исследования*. № 12. С. 43-50.
39. Geo-referencing Ethnic Power Relations (GeoEPR-ETH) Version 2.0: <http://www.icr.ethz.ch/data/growup/geoep-eth>.